

Понятно, что отрокомъ и молодымъ человѣкомъ я не только любилъ и уважалъ его, но и поклонялся ему. Независимо отъ обаянія, которымъ обладаетъ геній, поклоненіе это вытекало еще и изъ другаго его индивидуальнаго свойства. Какъ великій психологъ и педагогъ, а притомъ и глубокосердечный человѣкъ, онъ умѣетъ привлечь къ себѣ не только отрока, но и всякаго человѣка; но что въ общезитіи называется тактомъ и деликатностью, въ немъ составляетъ особое его дарованіе.

Все время, когда онъ не работалъ, а лѣтомъ онъ занимался сравнительно мало, я неотлучно находился при немъ, сопровождая его во всѣхъ поѣздкахъ вдаль, каждую охоту и прогулку.

Какъ юноша, поклонявшійся своему руководителю, я дорожилъ всякою минутою его общества и ловилъ каждое его слово и мысль. Зимомъ я жилъ надеждою и ожиданіемъ снова быть съ нимъ и переписывался съ сестрою, интересуясь всѣми подробностями ихъ жизни, и былъ въ величайшемъ восторгѣ, когда онъ побалууетъ меня письмомъ, что случалось раза два три въ годъ. Такимъ образомъ отрочество и молодость мою я провелъ или въ обществѣ или подъ отдаленнымъ вліяніемъ Льва Николаевича, и время это я вспоминаю, какъ лучшій періодъ моей жизни.

Въ 1878 году я провелъ съ нимъ послѣднее лѣто и уѣхалъ въ Закавказскій край на службу.

Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Львомъ Николаевичемъ одинъ разъ, когда осенью 1887 года прогостилъ у него въ Ясной Полянѣ около двухъ мѣсяцевъ.

Съ трепетнымъ благоговѣніемъ я встрѣтилъ моего ру-